ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

1

2012

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На выпасе около бывшего хутора автор встретился с давним, еще школьным своим знакомцем, который теперь до самого снега батрачит на чеченцев — пасёт большое хозяйское стадо.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ДО САМОГО СНЕГА

Поздней осенью, в конце ноября, довелось мне пасти скотину. Приехал, как обычно, на хутор к приятелю половить рыбу, побродить по округе, развеяться.

Дон, просторное лесистое займище, озера его, протоки, холмистая степь, обезлюдевший хутор — чего еще надо.

У хозяина моего объявилась какая-то забота, и он попросил: «Постереги до обеда скотину. Наша очередь».

Скотины на хуторе осталось как и людей — на пальцах перечесть. Стерегут ее в очередь. Особых трудностей нет: выгнал на гору и поглядывай, в свою пору заверни, чтобы не убрели. Труды невеликие, особенно по осени, когда потравы бояться не надо: хлеба и бахчи убраны, нечего оберегать; ни мошки нет, ни овода, от которых скотина бесится. Но все равно день-деньской словно на привязи, не отлучись. Без догляда скотина может убрести незнамо куда, потом будешь искать ее по буеракам да балкам, ноги бить. А то и вовсе угонят. Нынче это дело обычное. Теперь вокруг не хутора, но аулы: чеченские, даргинские и другие.

С самого утра было пасмурно, накрапывал дождь. Наверху, на холмах, тянуло предзимней стылостью. Казалось, вот-вот зашуршит по брезенту башлыка и плаща ледяная крупка ли, снег. Оно и пора. На кустах и деревьях листья давно облетели, почернела трава, побитая осенними утренниками, речная вода стылая, даже на погляд. Поздняя зябкая осень — вот она.

На хуторе я гостил лишь второй день, и потому все было в радость: простор земли, низкое серое, но тоже просторное небо, льдистый воздух, а главное — тишина и покой. Накрапывал мелкий дождь, но он меня не тревожил. Одет я был по погоде: телогрейка, башлык. И потому, поднявшись со своим невеликим стадом на гору, я оставил его пастись, сам же отправился в поход недалекий: на Прощальный курган, который обрывается к речной воде страшенной двухсотметровою кручей. Я всегда сюда прихожу, когда приезжаю на хутор. Здесь простор, вовсе немереный, земной и небесный, неволею, даже у человека привычного, захватывает дух. Стоишь и стоишь, глядишь и глядишь, не чуя времени.

Но нынче, кроме ненастной погоды, долго стоять не позволяла моя пастушья забота. Коровы — они тоже бывают нравными. Возьмут да убредут, ища затишку, корм или

неизвестно что.

Вернулся я к своему невеликому стаду. Потекло неспешное время. Дождь потихоньку шуршал и шуршал по брезенту башлыка и плаща. Шуршал и понемногу холодил. Скучное это дело — осенняя пастьба, даже такая, как у меня: десяток коров, недолгое время.

И вспомнился летний месяц, нынешний июнь. Нечаянная встреча, здесь же, неподалеку, в Задонье, на бывшем хуторе Осиновском, где в свою пору даже церквушка была, а нынче — лишь два чеченских становья.

Попал я туда по случаю, захотел провеяться. Мой спутник — агроном из райцентра — подался свои дела справлять в здешней округе, оставив меня до поры в просторной когда-то хуторской лощине, густо поросшей одичавшими тернами, вишней, полузасохшими яблонями да вековечными могучими грушевыми деревьями. Осинологовский да Осиновский хутора… Теперь лишь память.

Заплывшие и затравевшие останки былого жилья не было охоты разглядывать. Стал я подниматься на угор, где паслось немалое скотье стадо. Там и встретил давнего своего знакомца.

Когда-то, в далекие годы, мы с ним вместе в школе учились. Недолго, год ли, другой. Хуторские ребята в райцентре обычно квартировали у какой-нибудь родни. Они скучали по дому, а еще и голодали. Время было тяжелое. И потому то и дело пешком уходили на хутор, домой, и неохотно возвращались назад. Такая учеба, аховая, обычно продолжалась недолго. Хорошо, если до седьмого класса. Часто бросали школу и раньше. Колхозу работники были нужны.

Потом, много и много позднее, уже в возрасте взрослом, мы изредка встречались. Обычно в Задонье, куда я приезжал на рыбалку.

Теперь же признали друг друга с трудом. Немалое дело — возраст. А еще — ремесло моего знакомца: всю жизнь он чабанил да пастушил. Задубелый лик, темный, морщинистый. Поди признай.

Но пригляделись, признали друг друга.

— Какой-то гурт у тебя разномастный? — спросил я, обводя взглядом скотину. — На колхозный не похоже.

— Хозяйский. От колхозного рожки-ножки не сыщешь. Это чеченский, Вахида. У него нынче пасу.

Скотий гурт был немалый, больше сотни голов. Они спокойно и вольно паслись на просторном пологом крыле Осиновской балки. Май был с дождями. Трава поднялась в колено. Скотине — раздолье, тем более в нынешнюю троицкую пору, в цветенье,

когда пуд травы — что пуд меду.

— Большой гурт… — посочувствовал я.

— Полторы сотни голов.

— Один пасешь?

— Один. Ничего… Не привыкать. Всю жизнь при этом деле.

— В колхозе на сто голов полагалось два скотника, — вспомнил я. — Работаешь, считай, за троих. Значит, тройная зарплата.

Собеседник мой негромко, но долго смеялся, вовсе заморщинив темное обветренное лицо.

— Нынче забогатеешь, — отсмеялся он и сообщил: — Пятьсот рублей.

— В месяц?

— Не в день же, в месяц, конечно. — Он понял мое недоуменье и начал объяснять: — Курево хозяин мне покупает. Пачка в день. Полностью харчами снабжает. Привозит муку, рожки, масло постное. Это — от пуза, — убеждал он, почуяв в моем вопросе понятное. — Пышки пеку. Хочешь покушать? — потянулся он к сумке.

Я отказался.

— Пышек с вечера напеку. Газовая плита есть в вагончике. Хозяин баллоны привозит. Пышки, чай с сахаром. В сумку кладу, на целый день хватает. А вечером рожки варю, с сахарком хорошо идет. Можно жить.

Недолго помолчав, он снова заговорил, убеждая:

— А кто больше даст? Возраст. Годочков-то нам сколь? И где она нынче, хорошая работа? Молодые на стройку ездят, в другие места. А меня кто возьмет? Отъездился старый конь. А чем дома сидеть… Я так считаю. Чем сидеть да копейки считать, лучше здесь. Пенсия целая, дочке помогаем. У ней — дети. Езжу каждый месяц домой, банюсь. И снова сюда. На родину. Я ведь тутошний рожак, осиновский, — улыбнулся он. — Родный мой хутор.

— Тогда вовсе хорошо, — поддержал я его, хотя, конечно же, плата была нищенская. Невольно вспомнилось дачное мое бытованье в Подмосковье, у родных. Там пятьсот рублей платили работнику, который газон косил. Он управлялся за час и тут же получал наличные. А здесь — месяц. Всякий день, от белой зари до темной ночи.

— А там, в станице, можно спиться, — продолжал убеждать меня собеседник. — Да… Без дела шалаться — это нехорошо. А многие шалаются. На хлеб денег нет, а на бутылку найдут. Колхоз хоть и ругали мы, но там было производство. Сколь пахали, сколь скотины держали. Кормили страну! А как же… И сами кормились, работа у всех была. — И робкий вопрос ли, просьба: — Петрович,

ты в Москве бываешь, больших людей видишь… Не возвернется советская власть, колхозы? — В глазах — ожиданье и вроде бы огонек надежды.

— Нет, — отвечаю твердо, не в первый раз. — Не возвернется.

— Я тоже своей дурной головой кумекаю: не возвернется. — И горький выдох. — Молодых жалко, детей да внуков. Им трудно, Петрович. Вот и стараемся как-то помочь.

И снова на меня взгляд, чтобы поверил. Глаза у него светлые, добрые, когда-то голубые ли, серые. Я вдруг вспомнил, что в школе они с сестренкой-близняшкой вместе сидели, за одной партой. Белоголовые, светлоглазые, тихие, хуторские.

Вспомнил — спросил:

— Сестра-то живая-крепкая?

— Слава богу.

Скотина понемногу, кормясь, поднималась по крылу балки все выше и выше. Поднялись и мы на ноги. Пошагали вверх и вверх, по высокой густой траве. Зелень была расцвечена желтым, сиреневым, фиолетовым, розовым. Коровяк, железняк, шалфей да горошек…

Поднимались. Все шире открывался могучий распах просторной Осиновской балки с темной густой зеленью садов в низине. Простор и даль.

— Хорошо… — вздохнул я, оглядываясь.

Знакомец мой покивал головой, соглашаясь, а потом вспомнил давнее:

— Сколько лет-годов прошло. Не забуду. Мы же пешком тогда ходили домой. Идешь из школы. Машин не было. Велосипеды и те лишь потом появились. И вот, как сейчас помню, то ли каникулы по весне или просто на выходные пришли. Дорога через курганник, его Казачий курган называли. С него наш дом видать. Поднялись, я с курганика глянул — и дух захватило. Вроде обомлел. Сады цвели. Самый цвет. Терны, вишни, груши. Все облитое. Не хутор лежит внизу, а вроде белая река течет, пенится, и такой дух сладкий… Веришь, Петрович… Пацаном был, куга зеленая. Но до того стало хорошо и дорого… Мой родный хутор! До чего красивый. Гляжу и не могу наглядеться. — Голос дрогнул. — Это я все как сейчас помню, Петрович. Меня сеструшка пихает: «Пошли. Чуток осталось…» Она думает, я устал. И подпихивает. А я стою и гляжу… — Он вздохнул и смолк, неторопливо взглядом окидывая родные места, а потом досказал: — Я когда женился, на центральную усадьбу переехал. Там ведь школа, больница. Скучал там. Загад имел: на пенсию выйду — вернусь на хутор, буду здесь доживать. Тут рыбалить можно. Раньше плотины сохраняли, и такие были заводи, омуты.

Карась — на сковороду. Лини, плотва, красноперка. И зайчика гонять сподручно. А какие попасы… Скотину любую води. Плановал. Но кто знал, что так наша жизнь повернется.

Мы еще недолго поговорили о прошлом, о нынешнем. А потом подъехал мой спутник. Стали прощаться.

— Ты надбегай, Петрович. Сейчас самая пора травы сбирать. Зверобой, шалфей, чабор… Для здоровья, для чая. Мне люди заказывают. Душица скоро зацветет. Шиповник будет ныне богатый. За день пару ведер да наберу. Это тоже копеечка. Надбегай… Я тут — до самого снега…

Попрощались. Он остался. Не больно близкий знакомец: когда-то в школе вместе учились, год ли, два. Хуторские ребята школу бросали рано. Трудное было время после войны, голодное. Мы, ребятишки поселковые, при своих домах жили, при матерях. Это легче. Глядишь, и сунут лишний кусок, от себя отрывая. И сам рыщешь, где бы чего добыть: кусок макухи ли, мороженую картошку на пристани, на станции. А хуторской детворе родители привезут по осени на квартиру тыквы и свеклы. Потом отделяют помаленьку муки на суп-затируху или пшенца, пополам с черным куколем, чтобы кулеш варили. Вот и все харчи. А голодное брюхо к ученью глухо. Так и получалось. Помучаются и бросают школу. Работники колхозу всегда нужны.

Эта встреча была где-то в июне, как раз травы цвели, сенокос начинался. Теперь — поздняя осень, конец ноября. Холодный ветер и дождь.

Одежда на мне серьезная, по погоде и ремеслу: телогрейка, плащ-накидка с капюшоном, сапоги. И провел я возле скотины недолгое время. Но чувствую: зябну, пробирает потихонечку. И уже поглядываю с горы на хутор, дожидаясь смены.

А еще порою гляжу в ту сторону, о которой нынче вспомнилось: Осинов лог да Калинов лог. Туда напрямую — десяток верст. Холмы и холмы, курганы да балки. Голые кусты и деревья. Черные травы. Сизое набрякшее небо. Холодный дождь. Стылый ветер порывами. Вот-вот снежная крупа зашуршит. Но лишь крупа и дождь ледяной, по-нашему, по-донскому, — чичер. Настоящий снег ляжет еще не скоро. Еще пасти да пасти.